

УДК 94(470)"16/18"

Д.Д. КРЫЛОВА

**КЛИКУШЕСТВО И ЕГО МЕСТО В ЖИЗНИ РУССКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА**

Томский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: diana.krylova90@mail.ru

В статье представлена попытка формирования цельного представления о месте и роли кликушества в жизни рядового крестьянина и обозначения функций данного явления. Автор предлагает вариант обобщения уже имеющихся на сегодня взглядов и выводов относительно кликушества, а так же впервые делается попытка интерпретации кликушества, как части смехового мира русской традиционной культуры. Основные трудности, с которыми пришлось столкнуться автору, заключаются в определенной степени не изученности этой темы в отечественной историографии или же ее одностороннем изучении, отягощенность темы медицинской, религиозной и гендерной проблематикой, отсутствие общепризнанного взгляда на это явление и единой методологии исследования кликушества.

Ключевые слова: Кликушество, Российская империя, русское крестьянство, скоморохи.

«Кликушество, начиная с XVI века по настоящее время, есть явление русской народной жизни, игравшее и играющее в ней далеко не последнюю роль» [1, с. 4]. Вывод о важности места кликушества в русской народной жизни, сделанный в начале XX в. русским психиатром Н.В. Краинским, не потерял своей актуальности и в начале XXI в. Изучение медицинских аспектов этого явления, отмеченных Н.В. Краинским, было поддержано сразу несколькими ведущими отечественными специалистами в области психиатрии, среди них можно назвать И.А. Сикорского [2], М.Ю. Лахтина [3, с. 173–176], М.П. Никитина [4], В.М. Бехтерева [5, с. 28–31]. Однако даже психиатры отмечали, что «кликушество следует рассматривать скорее как бытовое явление русской народной жизни, чем как болезнь. Вся внешняя картина кликушества и все его социальное значение определяется народными суевериями и его мировоззрением» [1, с. 42].

В настоящее время многие исследователи сознательно абстрагировались от медицинского (прежде всего, психиатрического) дискурса и сосредоточили внимание на изучении социокультурных функций кликушества, рассматривая его как продукт социально-исторической практики, форму протеста и

изучая его в контексте народной религиозности [6]. Современная исследовательница С. В. Голикова отметила: «Не важно, по какой психологической причине тот или иной человек начал «кликать», важно какими способами это событие объяснялось культурой: она «прочитывала» его теми средствами, которыми к тому времени располагала» [7, с. 136]. В рамках этого подхода особое внимание уделяется исследованию феномена одержимости в тесной связи с народной демонологией [8]. Большой вклад в изучение проблемы кликушества внесла американская исследовательница К. Воробек. На основе этнографических источников она рассмотрела кликушество как сложный социальный и культурный феномен, составными компонентами которого является двоеверие, традиционные православные представления о добре и зле [9]. Продолжая работу в русле изучения социокультурных особенностей кликушества попытаемся ответить на вопрос: почему в обществе появлялись одержимые и какие у них были функции?

На сегодняшний день имеется достаточный массив фактического материала для изучения этой проблемы. А.А. Панченко отметил несколько особенностей, характерных для источников по этой теме: 1) судебно-следственные дела о кликушах (как правило, они фиксировали только те случаи, «когда социальный эффект кликушества выходил за пределы повседневного контекста массовой культуры и непосредственно сталкивался с государственными институтами») и 2) статьи и публикации XIX – XX вв. описательного, этнографического или медицинского характера [10, с. 325–326]. В своей работе мы опирались в основном на этнографические публикации.

В исследовательской литературе встречается несколько версий относительно того, когда в источниках впервые начинают упоминаться кликуши. Одни авторы называют XI–XII вв. [3, с. 145; 11, с. 73; 9; 8, с. 242], однако большинство исследователей склоняются к XVI–XVII в. [1, 10]. В это время формируется новая культурная система, развивающая личностные начала, которая не могла не отразиться и на отношении к сакральному. В XVII в. появился первый литературный памятник, описывающий поведение одержимой бесом – «Повесть о бесноватой жене Соломонии» [11, 12], а также появляются судебные дела, в которых сообщалось об эпидемиях кликушества.

Ярким примером подобных дел является Шуйское дело 1666–1670 гг., примечательное тем, что на протяжении нескольких лет в городе в несколько раз возникали эпидемии кликушества как среди женского и детского, так и среди мужского населения. Эпидемии полностью нарушили функционирование города, и в состоянии беспомощности местная власть написала несколько челобитных к царю, по указу которого в городе было проведено следствие: «В прошлых и нынешних годах приезжают в Шую, к чудотворному образу Пресвятой Богородицы Смоленския, со многих городов и уездов всяких чинов

люди молиться – мужеский и женский пол и девичий, а привозят с собой всяких чинов людей, различными скорбими одержимых и которые приезжие люди и шуян посадских людей жены и дети одержимы от нечистых духов, страждущие, в божественную литургию мечутся всякими различными кознодействы и кличут в порче своей стороны на уездных людей, что-де их портят тот и тот человек. И в прошлом году страдало от нечистого духа шуянина, посадского человека, Ивашкова жена Маурина Иринка Федорова, а кликала в порче своей на Федьку Якимова, и по твоему, великого государя, указу, то тое Ивашкова жены выкличке, Федька Якимов взят в Суздаль и кончился злою смертью, а ныне та Иринка и уездные люди, страждущие от нечистых духов, кличут в корчах на иных шуян – на Ивашку Телегина со товарищи» [13, с. 340]. В приведенном фрагменте сообщается, что «кликования» обычно начинались во время богослужений, поскольку находящиеся в одержимых бесы не выносили литургии, святой воды, креста, ладана, чтения Евангелия. При этом кликуши называли имена тех, кто был «виновен» в их «порче». Показательным является то, что представители власти по одному только слову кликуши арестовали обвиненного ей человека, значит одержимые пользовались определенным доверием в обществе.

Челобитные о Шуйском деле (их сохранилось не менее трех) свидетельствуют о том, то страх перед болезнью стал паническим: «В Шуе началась невыносимая жизнь, нельзя было выйти на улицу или дотронуться до чего-нибудь без того, чтобы не сделаться бесноватым» [14, с. 77]. Такого рода эпидемии были не редкостью для Российской империи XVII – начала XX в., часто они не только нарушали привычный ход вещей, но и полностью парализовывали всю общественную жизнь в городах и деревнях, делая невозможным осуществление властных, судебных и иных полномочий.

В источниках не сообщается о причинах эпидемии в Шуе, но можно предположить, что в данном случае эпидемия могла быть связана с церковной реформой: в 1666 г. состоялся собор, на котором были осуждены противники никоновских нововведений. В дальнейшем кликуши стали своеобразным рупором старообрядчества [15].

Значительное место занимали кликуши при дворе царевны Софьи, которая буквально окружила себя ими и даже платила им жалование. Широко известен в народе стал факт изгнания бесов из кликуш самой царевной Софьей по дороге в Новодевичий монастырь [14, с. 79]. Эта сцена, скорее всего, должна была свидетельствовать об истинности власти царевны Софьи, подобно тому, как подтверждали свои полномочия французские короли, лечившие золотуху рукоположением. Важно, что способность излечить кликушу воспринималась народом как свидетельство присутствия божественной благодати. Следовательно, этот факт подтверждал властные полномочия царевны Софьи.

Одной из причин возникновения кликушества являлись невыносимые условия жизни русских крестьян, особенно женщин, психологическое давление, семейный гнет. Этнографы XIX в. отмечали: «Даже те люди, которые лечат от кликушества розгами, и те согласны, что болезнь эта таится в горькой участи женщины. Иная молодая бабенка, – говорят они, – живет в совершенном загоне, муж бьет, никто ее в доме не любит, за всякую малость все ее только ругают и колотят, нигде бедняжке ни сесть, ни лечь, и она, рыдая, рыдая, начинает кликать» [14, с. 91]. «Жизнь деревенской русской женщины далеко не красна. Тяжелая работа, частые роды и кормление, частые неурядицы в семье, традиционная неприязнь со свекрами, вот те обычные условия, которые не очень красят ее жизнь» [1, с. 6].

Приведем несколько описаний подобных случаев. Один из них описывает Прыжов И. Г.: «Аннушка любила Петра, и хорошо им было жить, пока не вмешался в их любовь Борька. Явилась разладица, нравственные страдания; между тем девку постегали, а милый ушел.

Девку-то мы постегали. Я уж про это и сказывать не стану: нехорошо. Собрались к ней в избу бабы, стали выть, а того не знают, что Анютке – то все это крепко на руку. Молчит она в углу, трепаная такая, волосев не прибирает, и сидит под образом ...

– Что-де, мол, роденькая наша? Больно? Которые, мол, стегали-то? Ты, мол, Аннушка, наплой, коли сможешь. Ишь дело какое – девку сечь задумали, – это и бабе нейдет. Так на слова-то на эти в горлышке-то у ней, сердобольной, ино крякнуло, что и грудь ходуном начала ходить, заревела, что прыснула, и закликала...» [14, с. 90]. Поводом к кликованию в данном случае стала несчастливая любовь.

Распространенной причиной одержимости были тяжелые жизненные условия, в которых крестьянам приходилось жить с раннего детства, психологические травмы: «Федоровна Большакова, 37 лет, деревни Хомутово, питомица Воспитательного дома. В детстве не помнит никаких болезней. Баба на вид крепкая, здоровая, с задорным веселым лицом, бойкая на словах. Часто краснеет, во время рассказа волнуется. Детство было не из легких: по словам больной, она «всего насмотрелась». Приемная мать ее «пошла на тот свет от побоя»; ее все время колотил муж, приемный отец больной; наконец повредил ей шею, зашиб позвонки, и она скончалась. Сам он жив до сих пор, только «стал плох дыханием», ему девятый десяток. Василисе приходилось всегда очень много работать. Работница она, по отзывам окружающих, прекрасная. Замуж вышла 20-ти лет, тоже за воспитанника Воспитательного дома, который ей нравился. Мальчик красивый, работающий, но «привержен вину»; в пьяном виде невыносим, скандалил даже на девичнике. Как только Василиса после венца слезла со

ступенек церкви, так началась у нее боль живота. Дома после венца снова был скандал. Потом все шло хорошо. Было четверо детей, в живых осталась одна. Первое время очень мучилась животом, страдала ужасно два с половиной года до первых родов. Теперь она здорова, детей нет уже семь лет; отчего, не знает сама. С мужем продолжает жить хорошо: то он к ней, то она едет к нему в Москву» [3, с. 160].

Источники свидетельствуют, что кликушами зачастую становились молодые жены, испытывающие чувство незащитности перед новыми условиями жизни и психологическим давлением в семье мужа, беспокойство по поводу супружеских отношений. По мнению К. Воробек, в таких условиях кликушество освобождало женщин от социальных обязательств и беспокойства и, зачастую, давало им определенную социальную власть, оно было специфической формой снятия психологической или социальной напряженности. «Кликуша – прежде всего роль, неизбежная на культурной сцене той эпохи», – к такому выводу приходит исследовательница [9].

Примечательно, что болезнь кликуш носила хронический, неизлечимый характер. Методы лечения, имеющиеся в арсенале, рядового обывателя или приходского духовенства, приносили лишь временное облегчение, избавляя больную лишь от внезапно возникшего приступа, случаи полного исцеления, без рецидива заболевания, крайне редки. Среди наиболее известных практик изгнания беса были различные виды отчитки священником или уважаемым общинником [8], также действенным методом лечения был поиск колдуна, наславшего порчу, считалось, что только он мог отозвать беса. Стоит отметить, что хотя кликуши явно нарушали церковный ритуал, церковь вполне терпимо относилась к ним. «Кликуш воспринимали не в качестве больных, а скорее как знак и средство борьбы с бесовщиной. Целью было победа над нечистой силой, «прорывавшейся» из них и обезвреживание колдунов как ее приспешников, что должно было восстановить социальный порядок» [16, с. 227].

Основными методами борьбы с кликушами со стороны государства в разные времена стали битье плетью, заключение по арест, а также содержание в сумасшедших домах [14, с. 85]. Исследователи видят истоки подобного отношения государства к кликушам в Петровских преобразованиях. 7 мая 1715 г. вышел царский указ, согласно которому кликушество, как пережиток старины, попадает в разряд запрещенных практик, кликуши приравниваются к шарлатанкам и обманщицам [17, с. 376]. Вместе со многими другими традиционными проявлениями русской культуры, кликушество было загнано в рамки крестьянской среды, где процветало до начала XX в. «Запрет кликушества можно здесь поставить рядом с запретом на кулачные бои в праздничные дни или с навязчивыми требованиями соблюдать тишину во время богослужения» [17, с. 392]. Стоит обратить внимание на особую жи-

вучесть этого явления в повседневной жизни русского крестьянства – несмотря на притеснения со стороны закона и государственных властей, несмотря на осуждение со стороны церкви, кликушество продолжало существовать и выполняло ряд важнейших функций в жизни рядового крестьянина.

Исследователи наибольшее внимание уделяют изучению функции снятия социальной и психологической напряженности в обществе. Как правило, кликушество было ответом на какую-либо кризисную ситуацию личного или общественного характера – семейные неурядицы, соседские ссоры, невозможность личностной реализации, эпидемии болезней, неурожай, общественные и политические кризисы. Кликуша, исполнявшая роль жертвы и обвинителя, обладала правом говорить все, что она захочет сказать, обвинить любого человека. Все сказанное ею воспринималось как указание к действию, потому что ее устами говорила потусторонняя сила. Снятие напряженности осуществлялось также посредством поиска колдуна, наставшего порчу, и определения его наказания.

Другой важной социокультурной функцией кликушества является пророческая и гадательная функции. Они, главным образом, связаны с представлением о том, что кликуша – есть посредник между миром реальным и потусторонним, он находится в роли связного, который может ответить на наболевшие и насущные вопросы, решить проблему конкретного человека. Сожительство в одном теле души человека и инородной сущности (беса), пусть и негативного свойства, но все же, обладающего большей осведомленностью о мире и происходящем в нем, делало кликуш объектом повышенного интереса и внимания среди односельчан. Например, И.Г. Прыжов проводит параллели между пророчеством кликуши и языческими практиками славян. Он пишет о том, что само слово «кликать, кличать» – значит то же, что вещать, и сопоставляет фигуру кликуши фигуре вещей деды или «славянской валькирии» [14, с. 74]. А.А. Панченко отмечает, что «именно крестьянские женщины были основными носителями информации о колдовстве, порче, сглазе и соответствующих апотропеических практиках» [10, с. 340].

Пророчество кликуши заключалось в назывании будущих жертв кликования, определении времени прибытия святынь в населенный пункт [1, с. 22], поиска кладов, поиска виновника порчи, сглаза, воров и нарушителей порядка [18, с. 124]. К кликушам обращались в сложных ситуациях (узнать судьбу пропавшего человека, выяснить, выживет ли тяжелобольной и т.д.). Обратной стороной пророчества кликуш является подтверждение существования потусторонней силы, внетелесных сущностей в глазах рядового крестьянина. Сбывшееся предсказание становилось доказательством существования дьявола, бесов, их вмешательства в жизнь человека, и таким образом свидетельствовало и о существовании Бога, его постоянного присутствия и всемогущества,

что, безусловно, поддерживало веру в людях.

Еще одной функцией кликушества является смеховая и развлекательная функции. Смех согласно христианской традиции был в запрете, так как напрямую отождествлялся с бесовством. Однако смех избавлял людей от страха. М.М. Бахтин писал: «Особенно остро ощущал средневековый человек в смехе именно победу над страхом. И ощущалась она не только как победа над мистическим страхом ("страхом Божиим") и над страхом перед силами природы, – но, прежде всего, как победа над моральным страхом, сковывающим, угнетающим и замутняющим сознание человека: страхом перед всем освященным и запретным ("мана" и "табу"), перед властью божеской и человеческой, перед авторитарными заповедями и запретами, перед смертью и загробными воздаяниями, перед адом, перед всем, что страшнее земли. Побеждая этот страх, смех прояснял сознание человека и раскрывал для него мир по-новому. Эта победа, правда, была только эфемерной, праздничной, за нею снова следовали будни страха и угнетения, но из этих праздничных просветов человеческого сознания складывалась другая неофициальная правда о мире и о человеке» [19, с. 44]. Освобождение человека от страха происходило посредством проведения народных праздников и гуляний, основной чертой которых был переворот, изменение на противоположное привычных реалий жизни, что легко прослеживается на примере западноевропейского карнавала.

В русской смеховой культуре было существенное отличие от западноевропейской традиции. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский обратили внимание, что в западноевропейском карнавале смех выводит человека за пределы того серьезного средневекового мира, где он делался жертвой социальных и религиозных «страхов» (запретов), поэтому действует формула «смешно – значит не страшно». В русском смехе «игра не выводит за пределы мира как такового, а позволяет проникнуть в его заповедные области, туда, где серьезное пребывание равносильно гибели. Поэтому она ... смешна и опасна одновременно» [20, с. 162].

Показательно, что обострение болезни у кликуши чаще всего начиналось в период долгих религиозных постов, важнейших религиозных праздников, например во время святой недели и пасхи, что приносило кликуше большие страдания и переживания. В период религиозных празднеств частная жизнь рядового крестьянина строго регламентировалась, на нее налагался ряд серьезных ограничений. «Если в деревне был причт с иконами, то веселье начиналось только после их ухода, когда кончались все молебны. До этого считалось грехом петь песни и водить хороводы. В иных местах крестьяне считали, что в течение всей Святой недели забавы, шутки и пляски – грех. Тогда хороводы на Пасху совсем не водили либо хоровод был только в самом строгом стиле» [21, с. 211]. В условиях запрета на проявления развлекательной сферы жизни, тем более при условии понимания, ее как греховного

проявления, беснование кликуши в церкви во время молебна выглядит еще более смелым и показательным. Фактически кликуши разряжали обстановку напряженности, в контексте понимания смеха – «смешно и страшно одновременно». Смеялись не над самой кликушей и ее болезнью, но смеялись над ее словами, над тем, что и о ком она говорит, над ее поведением и движением.

Припадок кликуши изначально предполагает наличие зрителей. Зрелищность – одна из основных характеристик кликушества, что отмечалось многими исследователями в разных контекстах [17, с. 383]. Бесовщина и нарушение обычного порядка жизни давали уникальную возможность смены ролей, психологической разрядки, сброса ненужных запретов и старых проблем.

Рассмотрение кликушества в контексте народной смеховой культуры позволяет в какой-то мере соотнести его со скоморошеством [20, с. 92]. Согласно христианским представлениям, рядом с фигурой скомороха, как и с фигурой кликуши, находится нечистая сила, бес. Для кликуши, как и для скомороха, характерно анти-поведение. С.В. Голикова отметила: «В качестве специфического типа поведения кликушество полностью вписывается в традиционную для России ситуацию, предполагающую, что наряду с правильным, нормативным поведением имеет место анти-поведение в тех или иных формах. Поведение наоборот вызывается потусторонним, «кромешным», изнаночным, бесовским началом. Кликушный припадок как форма такого поведения ограничивался набором возможных состояний и жестов тела (кликуше не требовалось даже переодеваний как ряженым, не говоря уже о грандиозных анти-поведенческих проектах Ивана Грозного и Петра Великого). Они обходились бесовским «кликком», бесовским обликом, им были свойственны бесовские отправления тела» [7, с. 239–240]. Кликуша подобно скоморохам и ряженным надевает маску, но выражается это не в фактическом переодевании, а в эффекте принятия роли беса и разговора от его лица.

И скоморох, и кликуша в народной культуре являлись выразителями желаний и ожиданий крестьян. С постепенным уходом скоморошества с культурной сцены русской жизни в период петровских реформ, наиболее заметно стало укрепление кликушества в крестьянской массовой культуре. Возможно, кликушество стало своеобразной преемницей скоморошества и заняло освободившуюся культурную нишу.

Таким образом, кликушество – важный социальный институт, выполняющий ряд важных функций в жизни всего крестьянского сообщества – функцию социо-психологической разрядки (в смеховом варианте или путем определения и наказания колдуна), пророческую и гадательную функции, связанные с ролью кликуши, как посредника между двух миров, развлекательную и воспитательную функции. Фактически, кликушество затрагивало все сферы жизни рядового общинника, и приносило в нее особый смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краинский Н.В. Порча, кликуши и бесноватые, как явления русской народной жизни. Новгород, 1900. 45 с.
2. Сикорский И.А. «Психопатическая эпидемия 1982 г. в Киевской губернии». Киев, 1893.
3. Лахтин М.Ю. Бесоудержимость в современной деревне. Историко-психологическое исследование // Вопросы философии и психологии. М., 1910. Кн. 102. С. 141–184.
4. Никитин М.П. К вопросу о кликушестве // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. СПб., 1903. Год 8. № 9. № 10. С. 656–668; С. 746–756.
5. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 2001. 256 с.
6. Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. Минск, 2003. 463 с.
7. Голикова С.В. Кликуши по материалам Урала XVIII – начала XX вв. // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2010. Вып. 32. С. 224–241.
8. Мельникова Е.А. Отчитывание бесноватых: практики и дискурсы // Антропологический форум. М., 2008, № 4. С. 220–263.
9. Worobec C.D. Possessed: Women, Witches and Demons in Imperial Russia. DeKalb, 2001. Рецензию на эту монографию см: Христофорова О.Б. Кликуши, как явление русской народной жизни // Живая старина. 2005. № 1. С. 58–60.
10. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. 544 с.
11. Пигин А.В. Из истории русской демонологии XVII в. Повесть о бесноватой жене Соломонии. Исследование и тексты. СПб., 1998. 272 с.
12. Юрганов А.Л. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006. 433 с.
13. Борисов Б. Описание города Шуи // Акты, относящиеся до города Шуи. М., 1851. 465 с.
14. Прыжов И.Г. История нищенства, кабачества и кликушества на Руси. М., 1997. 240 с.
15. О кликушестве среди старообрядцев см., например: Пят И. «Бес коммунистов не любит»: народное паломничество, кликуши и советская власть на Урале (к вопросу о народном благочестии) // Уральский сборник. Екатеринбург, 2004.
16. Голикова С.В. Кликушество: невежество, обман, болезнь, суеверие? Представления о кликушах по материалам Урала и Западной Сибири XVII – начала XX вв. // Вестник Уральского отделения РАН. 2009. № 4. С.130–136.
17. Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000. 575 с.
18. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1989. 433 с.
19. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1990. 543 с.
20. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. III (XVII – начало XVIII века). М., 1996. 624 с.
21. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. 270 с.

D.D. KRYLOVA

**THE HYSTERICIS AND ITS PLACE IN THE LIFE OF THE RUSSIAN
PEASANTRY**

In the article the attempt of the idea's formation about the place and role of hystericis in the life of the peasantry and also notation of the functions of this phenomenon are presented. The author proposes a variant of generalization of the existence visions and conclusions about the hystericis and for the first time makes the attempt to interpret of the hystericis, as the part of the humorous world of Russian traditional culture. The main difficulties faced by the author are connected with insufficient scientific study of this topic in the modern Russian historiography and others problems, such as sided studying of the hystericis, burdens of available research by medical, religious and gender issues, the lack of generally accepted view of this phenomenon and an unified methodology.

Keywords: the Hystericis, the Russian empire, the Russian peasantry, buffoons.